

Стеша летала по кухне: открывала дверцы шкафчиков, доставала и красиво сворачивала салфетки, расставляла на столе тарелки, то и дело подбегала к отцу, который сосредоточенно помешивал гуляш в кастрюле.

– Потыше, Стрекоза! Не урони стулья, – улыбался папа, не отрываясь от своего занятия.

Прозвище Стрекоза досталось Стеше от старшего брата Саньки. Бабушка, у которой они гостили летом в детстве, не терпела неопрятности, поэтому заплетала светлые непослушные волосы внучки в косички-калачики, украшая старомодную причёску огромными, слегка вытянутыми капроновыми бантами. Когда Стеша неслась по дорожкам сада, пружиня и подсказывая, ленты блестели и дрожали как слюдяные трепещущие крылья.

Теперь Стеша училась в седьмом классе, смешные косички заменила модная стрижка-каскад, а привычка быстро двигаться, слегка подпрыгивая при каждом шаге, осталась. И дома её редко называли Стешей. Стрекоза, и всё тут!

Девочка остановилась и критически оглядела комнату: кухонный гарнитур, сделанный в папиной столярной мастерской, красиво сервированный стол, любимые мамины герберы в керамической вазе, – всё было таким родным, домашним, уютным. Семейные вечера, на которых что-то обсуждалось, Стеша любила. Поэтому и сегодня готовилась к ужину, как к празднику, несмотря на то, что мама с внеочередного родительского собрания может принести нерадостные новости.

– Па! Уже восемь, мама скоро придёт. А ты всё ещё свой шедевр не сготовил, – Стеша вдохнула ароматный пар и сглотнула. – Я хочу есть!

– Минутку!

Папа бросил в кастрюльку щепотку каких-то специй, в задумчивости потёр подбородок, взъерошил волосы и, наконец, зачерпнул гуляш ложкой.

– Пробуй! – протянул её Стеше. – Только осторожно – горячо!

Отец и дочь одновременно подули, забавно вытянув губы трубочкой и округлив щёки, затем посмотрели друг на друга и рассмеялись. Когда смех затих, раздался мягкий мамин голос:

– У нас праздник? Или мы ждём гостей?

– У нас сюрприз! Мы ждём тебя! Каких ещё гостей? – Стеша и папа посмотрели на стол и синхронно почесали кончики носов.

– Опять четыре прибора? Эх, Санька голодает там, наверное! – погрузнев, сказала мама.

– Mam! Всё у Саньки хорошо! Просто я не могу привыкнуть, что он уехал! – Стеша убрала лишнюю тарелку.

Санька после окончания школы поступил в архитектурно-строительный и уехал в Питер. Это случилось две недели назад, но Стеша каждый день спешила после уроков к брату и только на пороге вспоминала, что его дома нет.

Девочка ненадолго задумалась, пулей выскочила из кухни и вернулась с рамкой для электронных фотографий.

– Стрекоза, это ещё зачем? – удивилась очередной задумке дочери мама.

– Мы с ним всегда вместе на семейных советах. Пусть меня поддерживает!

Мама понимающе кивнула.

Отец крепко прижал дочь к себе:

– Не переживай, Стрекоза! Мы с Санькой тебя в обиду никому не дадим. Даже Ирине Петровне!

Когда мама начинала воспитательный процесс, у всех появлялось чувство, что они попали в школу к суровой учительнице, поэтому папа в такие минуты называл её Ириной Петровной.

– Да ладно вам, Александр Александрович! – в тон папе сказала мама. – Никто никого не обижает. У нас дома слишком много демократии...

– Может, уже ужинать будем? – с надеждой спросила Стеша.

Все с удовольствием ели вкусный гуляш, но беседу никто не начинал. Самым оживлённым за сто-

лом был Санька на фотографиях. Вот он улыбается, дурачится со Стешей, а вот уже на соревнованиях – бежит первым. А на этой фотографии Санька серьёзный. Он стоит со спортивной сумкой перед входом в здание аэровокзала и взглядом спрашивает: «Ну, что? Что там у вас без меня стряслось? Рассказывайте!»

Александр Александрович отодвинул пустую тарелку:

– Так, Ириш, выкладывай – всё как есть. Стеша, тебе не надо уроки делать? – предложил он.

– Я хочу остаться! – запротестовала дочь.

– Оставайся, – разрешила мама. – К тебе у меня будет много вопросов.

В предчувствии серьёзного разговора Стеше стало неуютно. Она заёрзала, откинулась на спинку стула и, только взяв фоторамку с Санькой и обняв её, затихла. Ирина Петровна начала домашнее собрание.

– Стеша, почему ты мне не сказала, что с первого сентября у вас новая классная руководительница?

– А вам разве в родительском чате не писали? – Стеша не любила оправдываться.

– Нет.

– Я забыла. Они у нас каждые полгода меняются, – девочка низко наклонила голову. Она же не виновата в постоянном уходе учителей!

– Вот это новости! А где же Елизавета Андреевна? – подхватил папа.

– Пап, Елизавета Андреевна была до Ксении Валерьевны. А уже после Ксении Валерьевны пришла Марина... Марина... – Стеша запнулась, – Мариночка, в общем.

– Мариночка? Какая Мариночка? Это вы так учительницу зовёте? – у папы от удивления поползли вверх брови. – А отчество у неё есть?

– Да есть, пап. Есть. Запомню я её отчество. Потом. – Стеша подумала, что лучше бы она сидела в своей комнате и учила уроки.

– Ира, ты продолжай. Говори только самое главное. Я родительские собрания даже в пересказе не люблю, – переключил внимание мамы папа.

– Я постараюсь. Марина Николаевна сказала, что в седьмом «Г» классе была попытка буллинга.

– Буллинг? Это что такое? – папины брови изогнулись «домиком».

– Па, буллинг – это травля, ты не знаешь, что ли? – снисходительно объяснила Стеша.

– Вооот как? – удивление папы было неподдельным. – И кто кого травит?

– Я вам сейчас всё объясню. Только не перебивайте, хорошо? – Стеша поставила рамку на стол и, помогая себе руками, начала рассказывать. – У нас в классе учится Кира. Ну, вы её знаете!

Отец с матерью пожали плечами.

– Девочка, которую я боялась в начальных классах! – Стеша поднялась со стула. – Давайте, фотографии принесу, покажу!

– Нет-нет, не надо. Сиди. Я вспомнила. Она дралась без разбора с девочками и мальчиками. Ещё

мама Никиты улынулась. – Помнишь, Саша?

– Не очень, – честно признался папа. – Кажется, тогда всё быстро закончилось. Ну, кто не дрался в детстве? И что, Кира опять кого-то ударила?

– Кира давно в школе ни с кем не дерётся. Мы все думали, что она повзрослела, но оказалось, Кира теперь ходит на поединки! Она уже два года занимается в секции айкидо, а по вечерам они с ребятами собираются на пустыре недалеко от спортшколы и устраивают спарринги. Даже титул победителю придумали: выживший. Кира у них вроде секретаря: ведёт списки, кто с кем дерётся. И сама соревнуется тоже, конечно.

– Подожди, Стрекоза! – перебил дочку папа. – А ты откуда всё это знаешь?

Стеша замаялась.

– Кира в классе ни с кем не дружит, а мы за одной партой сидим, нас так посадили. И она мне хвасталась, что у неё наконец-то появились настоящие друзья, не такие хлюпики, как её одноклассники. Но это же её дело, с кем дружить, правда!?

Папа промолчал. Мама, нахмурившись, попросила:

– Продолжай!

– Ну так вот. Однажды из её пенала выпала бумажка.

А Вадик наш всегда ко всем цепляется, он подобрал записку и давай Киру задирать: «Ага, любовное сообщение! С кем наша несравненная Кира переписывается? На кого она запала?» Развернул и стал читать: «И кто же из вас выживет?» Кира, конечно, подскочила, список отобрала. А Вадик кричать стал, что она преступница, если хочет с кем-то расправиться, что мало ей драк в школе было, теперь она хочет за кого-то всерьёз взяться. Кто-то из класса ему поддакивал.

Эти крики Вадика услышала Марина Николаевна. Она зашла в класс и потребовала, чтобы он замолчал. Все затихли, она вышла, а потом её видели у школьного психолога.

– Это ещё не повод говорить о травле! – недоумённо пожалла плечами мама. Папа утвердительно кивнул головой.

– Ещё не всё... Через день на том же самом месте снова лежала бумажка. Только теперь уже специально выброшенная. Вадик опять нашёл её и прочитал. Теперь записка называлась «Список обречённых». И там были фамилии наших ребят, кто вместе с Вадиком возмущался. Ну, дальше всё понятно, – резко замолчала Стеша.

– Мне ничего не понятно! – папа уже давно расхаживал по кухне. Он всегда ходил, когда волновался. – Чем всё закончилось?

– Вадик стал верещать, что не позволит над собой чинить суд, к нему присоединился весь класс: кричали Кире, какая она жестокая, как много на себя берёт, что она одна против всего класса. И всё это время Марина Николаевна стояла в дверях и слушала. Как-то так получилось, что её никто не за-

метил. А Кира – видела! И даже не пыталась оправдываться перед классом! Получилось, что класс на Киру напал, а она жертва. После этой истории нами занялся психолог: Киру вызывали, Вадика, других ребят. Кира наврала, что пишет книгу под названием «Список обречённых», а имена ребят – это образы, которые она создаёт, и ей поверили.

– Ерунда какая-то, – папа продолжал кружить по комнате. – Ладно, классный руководитель. Она новенькая, вас не знает. Не знает характер Киры. А психолог?

– Она тоже первый год в этой школе, на собрании только с нами познакомилась, – включилась в разговор мама.

– Да. Вот и получается – мы про Киру правду не говорим, а ей удобно быть жертвой, – закончила Стеша.

– Почему никто не расскажет, что было на самом деле? – папа остановился.

– Мы не хотим, чтобы её выгнали из секции айкидо. Это будет несправедливо! Санька бы меня не понял, – призналась Стеша.

Повисла тягучая тишина.

– И что теперь? – поинтересовался папа.

– Психолог нас уверила, что инцидент исчерпан. Но за нашим классом закрепилась слава отпетых хулиганов! И всё благодаря одному человеку! – возмущалась мама.

– Ты преувеличиваешь, Ира, – засомневался папа. – Какие они хулиганы? Так, повздорили немного. Всё утрясётся.

Александр Александрович тоже беспокоился, хотя и пытался это скрыть. Постояв в задумчивости, он сел на стул и забарабанил пальцами по столу. Все помолчали. Папа поторопился закончить нелюбимое дело:

– Ир, а что ещё на собрании было?

– Обсуждали участие в конкурсе «Социальный проект».

Стеша недовольно поморщилась:

– Третий год подряд! Надоело.

– Это ты зря! Хорошая идея! – оживился папа. – Тут такое можно придумать!

– Саша, да уже всё решили, – махнула рукой мама. – Дети в школьных мастерских будут делать скворечники.

– В мастерских очередь! Мы не успеем! – возмущилась Стеша. И добавила уже спокойнее, – А приз в этом году какой?

– Поездка на осенних каникулах в Питер! Но раз вы не сможете, какой в этом смысл? – устало закончила мама.

– В Питер! Папа! Я Саньку увижу! Пап... Что-нибудь можно сделать? – Стеша вскочила со стула и подбежала к отцу.

Александр Александрович облегчённо вздохнул: семейный совет закончился. Он встал и потрепал дочку по плечу.

– А скворечники, Стрекоза, можно мастерить и в моей столярке. Приводи ко мне весь класс через

несколько дней, как лестницу доделаем, и мы управимся быстро и без очереди!

– Ура! Мам... Слышишь? Телефон! Это Санька! – и Стрекоза, забыв про школьные неприятности, про скворечники и Киру, полетела в коридор за мамин сумкой, в которой лежал телефон.

Стояли прозрачные осенние дни. Небо опрокинутым озером разливалось над головой, изредка блестя серебряные нити пролетающей паутины, солнечные лучи тепло играли на разноцветных деревьях. Стеша медленно шла по тропинке через осенний парк, осторожно наступая на яркие ломкие листья. Они хрустели под ногами, шуршали, шелестели и отвлекали Стешу от мыслей. Вот если бы так идти и идти, бесконечно слушая осеннюю музыку...

Но пятипалые кленовые листья возражали девочке и сухо шептали: «Сте-ша, Стеша! Спе-ши. Спеши! Слы-шишь, слы-шишь?» Стеша с силой пнула кучку листьев, они взвились в воздух, покружились и беззвучно упали.

Утром Стрекоза хотела на первой же перемене поговорить с Кирой и попросить её во всём сознаться. Но почему-то Киры в классе не было. Марина Николаевна была весь день какая-то рассеянная, урок вела автоматически, а классный час отменила, распустив всех по домам.

Мимо Стеша, насвистывая, мчался беспечный Вадик.

– Стой, Сундуков! – схватила его за ляжку рюкзака Стеша.

– Лаврентьева, ты чего на людей кидаешься? Совсем уже, – поправляя рюкзак, нахмурился Вадик. – Чего тебе?

– Ты почему не в мастерских? Вы должны были у трудовика узнать, когда наша очередь!

– Я один, что ли, ушёл? Вон, смотри, Орлов, как всегда – с компанией и с гитарой – тоже домой идёт. Ещё даже седьмой «А» свои скворечники не сделал. А мы «Г»! Далась тебе эти птичьи домики, Стешка! – Вадик торопился уйти.

– Так мы же в Питер не поедем! – Стеша так тоскливо посмотрела на одноклассника, что тот смущённо засопел.

– Ну, не поедем. Да хоть миллион скворечников сделаем, всё равно не поедем! Я тебе скажу, почему, – интригуяще перешёл на шёпот Сундуков.

– Не тяни!

– Нужно не только социальный проект выиграть, но и дисциплину в классе держать. А мы теперь – точно самый худший класс.

– Вадька. Ты или всё расскажешь сам, или я тебя заставлю! – Стеша притянула мальчика за обе лямки рюкзака. – Давай всё по-порядку, живо!

И Вадик, который всегда и всё знал, рассказал Стеше, что Кира сегодня не просто так в школу не пришла. Вчера, во время очередного сбора любителей айкидо, она сломала ногу. Подробностей Вадик

не сообщается: кажется, она с гаража на спор прыгнула. Мама Киры, конечно, решила, что это дело рук седьмого «Г», поэтому утром пришла в школу, всё высказала Марине Николаевне и запретила одноклассникам навещать Киру.

– Сама понимаешь – мы теперь бандитский класс! – округлив глаза и зловеще шепча, закончил Вадик. – А мама Киркина могла и не предупреждать – желающих навещать её дочь нет!

И тут на Стрекозу навалилось бессилие. Ей казалось, что она застряла в комнате, набитой ватой, и не может ни пошевелиться, ни крикнуть. Такое чувство возникало обычно во сне – и на контрольных. Если Стеша не видела способа решить задачу, то впадала в спячку наяву, теряла способность размышлять. И вдруг оцепенение спало: она знает, что нужно делать!

– Сундуков. Где Кира живёт? – глядя в его насмешливые глаза, быстро спросила Стеша.

– Зачем тебе?

– Надо, – отрезала Стеша так решительно, что Вадик больше не пререкался.

– В соседнем доме. Только я подъезд и квартиру не знаю! И я туда не пойду! – заверещал Вадик.

– Трус ты, Вадька! Болтун и трус! Дом покажешь – я сама найду квартиру, – какая-то странная злость, от которой хотелось плакать, поднималась в Стеше. Она сейчас злилась на оболтуса Вадика, на одноклассников, которые расходились группами домой, как ни в чём не бывало, на трудовика, который не торопился делать скворечники, а больше всего – на упрямую врушку Киру. Из-за неё она не увидит брата на осенних каникулах. Ну уж нет! Она заставит её рассказать всю правду Марине Николаевне!

Стеша и Вадик сначала шли по широкой улице Мира, потом – по улице Карла Маркса, и затем свернули в переулочек с холодным названием Снежный. По одну сторону переулочка стояли новые современные дома, а по другую – покосившиеся деревянные двухэтажки. Возле одной из них, с кривым крыльцом, с дверью, на которой облупившаяся коричневая краска была похожа на струпья, Вадик остановился и неопределённо махнул рукой. Мол, где-то там и живёт Кира.

Стеша молча кивнула и, не попрощавшись, открыла скрипучую дверь, для храбрости сделал вдох поглубже.

Здесь было сумрачно, виднелись разбросанные ненужные вещи, пахло затхлостью и пылью. Както Стеша проходила мимо старого разрушенного дома; его снесли, обломки досок вперемешку со штукатуркой лежали горами, и от них исходил такой же запах. «Дом на снос», – думала девочка, почти на ощупь пробираясь вдоль стен, окрашенных тёмно-синей краской. Половицы протяжно скрипели. В подъезде было всего четыре квартиры. На стук в двери никто не отвечал. Стеша уже собиралась уходить, как крайнюю дверь открыла

пожилая женщина с короткими седыми волосами, полная и невысокая:

– Ты чего стучишь?

– Скажите, вы не знаете, где в этом доме Захаровы живут?

– А тебе зачем? – женщина скрестила руки на груди.

– Я одноклассницу проведать пришла, она заболела. А квартиры я не знаю, – Стеше было противно слышать свой заискивающий голос.

– Так позвони. Или напиши – сейчас же у всех телефоны есть.

– У Киры нет телефона.

– Ба! Кто там? – раздался за спиной женщины слабый голос Киры.

– Одноклассница твоя пришла. Как тебя зовут?

– Стефания. Кира, это я, Стеша! – крикнула девочка в дверной проём и несмело шагнула навстречу Кириной бабушке.

Бабушка пропустила Стрекозу вперёд. Не говоря ни слова, она закрыла за девочкой дверь, кивнула головой, приглашая пройти в конец узкого тёмного коридора. Казалось, что запах из коридора проник в квартиру, поэтому здесь было душно и неуютно. В маленькой комнате с опущенными шторами, на кровати с высокой металлической спинкой, полулежала, опираясь на грудь подушек, Кира. Она выглядела ещё меньше, чем обычно, лицо её было грустным и неподвижным, веки опущены: казалось, что она спала. Но как только бабушка, всё так же не говоря ни слова, неслышно ушла и загремела на кухне посудой, Кира внимательно посмотрела на одноклассницу и сухо спросила:

– Жаловаться пришла?

Стеша почувствовала, как её щекам становится нестерпимо жарко. Ей не захотелось, чтобы Кира увидела, как она покраснела, и каким-то чужим, сжатым голосом она спросила:

– Больно?

На стуле лежали вещи, сесть было некуда, Стеша стояла, переминаясь с ноги на ногу, с рюкзаком на плече.

– Зачем ты пришла? – не ответила Кира, попыталась сесть и резко вскрикнула.

– Ты лежи, не садись! – Стеша стала неловко поправлять Кире подушки.

Кира поморщилась, как будто ей было больно от Стешиной заботы, и отвернулась к стене.

– Хочешь, я тебе расскажу, что в школе было? Тему по алгебре объясню?

Кира помотала головой. Повторила, глядя на аляповатые цветочки на обоях:

– Зачем ты пришла?

Стеша не могла выдавить из себя ни слова. Она смотрела на комнату со старой мебелью, на кровать с панцирной сеткой – такая была у бабушки в деревне, на съёжившуюся Киру, и только теперь понимала, почему у неё нет телефона, почему она ходит в школу в одном и том же свитере и брюках.

– Ты маме скажи, чтобы меня не прогоняла. Я с тобой уроки делать буду. Чтобы ты не отстала, – глухо сказала Стеша.

– Мама уехала сегодня в командировку на две недели. В школу ходила – и сразу уехала. Дома только бабушка и я, – зашмыгала Кира и замолчала, только плечи вздрагивали, а рукой она то и дело вытирала лицо.

Растерявшаяся Стеша пошла на кухню за бабушкой. Та всплеснула руками, налила чашку чая и поторопилась в комнату к внучке. Стеша осталась одна и слышала только, как монотонно что-то говорит бабушка. Кира то и дело всхлипывала и повторяла: «Никто мне не нужен. Отстаньте». Стрекоза прошла в коридор, и, когда уже потянула дверную ручку на себя, её остановила бабушка. Она вместе со Стешей вышла в подъезд и тихо, чтобы никто не услышал, сказала:

– Плохо ей. Ни с кем не дружит, а те, кто иногда на улицу гулять зовёт вечерами, так, хулиганье одно. Не друзья они ей. Ты приходи, Стеша, а то Кире скучно со мной.

– Я приду. Я каждый день буду приходить, – пообещала Стеша и пошла – сначала медленно, потом быстрее, всё больше пружиня с каждым шагом, и вскоре полетела, как летает обычно стрекоза.

Стеша вышла из школы и направилась по привычному маршруту к дому Киры. Из-за классного часа она немного задержалась, поэтому часть пути Стрекоза мчалась изо всех сил. Сегодняшний классный час Марина Николаевна вела вместе с психологом. Стеша слушала рассеянно и поняла только, что их класс относится к типу «песчаная россыпь» – все, как отдельные песчинки, каждый сам по себе. Ни дела общего сделать, ни друг за друга постоять такой коллектив не сможет – вынесла психолог свой вердикт.

Стеша перешла с бега на быстрый шаг и чуть не сбила размышляющего Вадика, медленно плетущегося домой.

– О! Сундуков! Рассказывай, что нового в мастерских? Ты ведь ради этого на классный час не пошёл? Очередь наша скоро?

– Не-а, – равнодушно протянул мальчик. Похоже, Вадика провал в конкурсе несколько не беспокоил. – Там до сих пор седьмой «А». Нам не успеть. Да забей уже!

От возмущения Стеша остановилась перед Вадиком:

– Ах, так! Забить? Вот что! Раз у тебя болтать лучше всего получается, будешь уговаривать весь класс идти завтра в столярку к моему папе! – решительно заявила Стрекоза.

– Да мы не поместимся все! Что там у твоего папы? Гараж с верстаком? – Вадик презрительно сощурился.

– Так, Сундуков. У папы моего целый столярный цех! Завтра сам увидишь. А пока пиши в чат, объявляй сбор! Адрес позже скину, – резко раз-

вернувшись, завалившейся на один бок.

В коридоре её ждала Кира. Она стояла на ковриках возле открытой двери, и, словно извиняясь, объяснила:

– Бабушка в магазин пошла, а я долго прыгаю, так что заранее подошла.

– Ты много не ходи, тебе пока нельзя!

– Не могу я сидеть и лежать больше! Я хочу пойти куда-нибудь. Хоть в школу!

– Ты ведь не любишь учиться?! – изумилась Стеша.

– Не люблю. Но дома одной сидеть и ничего не делать ещё хуже!

– Как это ничего? А домашние задания? Ты книгу прочитала? – учительским тоном произнесла Стеша.

– Почти, – тоже вошла в роль ученицы Кира.

– Иди, повторяй, а я пока полы подотру. Пыль у вас из коридора, что ли, налетает.

Стеша по-хозяйски засучила рукава и стала делать уборку. Кира робко попыталась возразить, но Стрекоза уже вытирала пыль, подметала половички, мыла полы. Покончив с делами, Стеша поставила на старенькую плиту чайник. Первое время она боялась включать редуктор на газовом баллоне. Но спустя несколько дней девочка управлялась с замысловатым хозяйством быстро и ловко.

Протерев выцветшую клеёнку на кухонном столе, Стеша позвала одноклассницу заниматься.

– Сначала литература! – откладывая учебник алгебры, заявила Кира. – Надо уже закончить с этой невыносимой романтикой.

Так Кира называла «Алые паруса» Александра Грина. За ней числился долг с прошлого года – она не прочитала книгу. Надежда Сергеевна, учитель литературы, теперь ждала от девочки читательский дневник с записью о впечатлениях после прочтения. Чтобы заинтересовать Киру, сначала книгу читала вслух Стеша, потом – бабушка, и, наконец, подключилась Кира.

– Так о чём эта книга? – начала занятие Стеша.

– О любви. Фу. Терпеть не могу все эти встречи, расставания, терзания и страдания, – Кира скорчила гримасу. – Противно. Еле дочитала.

– А я думаю, не о любви. Это книга о мечте. И о том, что любая мечта может стать реальностью, – серьёзно сказал Стеша.

– Да? Мечты сбываются? Враньё! – громко фыркнула Кира. Когда она злилась, становилась похожей на маленького мальчика, которому не дали конфету. Это было комично, а не страшно, и Стеша не могла понять, почему пять лет назад Кира навредила на неё ужас.

– Я мечтала выиграть городские соревнования по айкидо. И что? В прошлом году меня не взяли – опыта маловато! А в этом я даже ходить не могу без костылей! Я мечтала, чтобы папа к нам вернулся, и, когда засыпала, мысленно просила его об этом. Но он не звонит и не пишет, как будто меня нет. Я хотела поехать на море – но у мамы никогда денег и времени нет, поэтому я море только по телеви-

зору видела. И после этого мне верить, что мечты сбываются? – выкрикнув, Кира резко смолкла, сжалась и стала похожа на нахохлившегося воробья.

Стеша не знала, что сказать. Молчать было тяжело. Ситуацию спас закипевший чайник: он отчаянно засвистел, стал выплёвывать кипятком на шипящую плиту. Стеша соскочила, выключила газ и услышала, как дверь открывается ключом – бабушка вернулась из магазина.

И, чем бы Стеша ни занималась: вместе с хлопчущей бабушкой собирала на стол, объясняла Кире сложную тему по алгебре, помогала составлять большую таблицу по истории, – она думала о том, как тяжело жить и не мечтать. Как можно вернуть веру в мечту?

По дороге домой Стеша написала это вопрос Саньке в чате. Уж старший брат должен подсказать! Но телефон молчал, игнорируя десяток отправленных сообщений. Видимо, Санька ещё был на занятиях, которые назывались смешным словом «пара». Стеша не могла ни на чём сосредоточиться. Она подходила к окну, зачем-то поправляла шторы, брала из книжного шкафа томики стихов и ставила, не раскрывая, на место, бродила по квартире, рассеянным взглядом скользила по привычным вещам. И вдруг Стеша остановилась, глядя на полку в гостиной: галеон «Секрет», копия корабля капитана Грея, мчался на полных парусах куда-то вдаль, смело и отважно.

«Секрет» сделали Санька с отцом. Они нашли в библиотеке книги по судостроению, отыскиали сайты по моделированию, несколько вечеров корпели над чертежами, а потом надолго пропали в столярке. Стеша с мамой тоже изредка туда приходили и смотрели, как рождается маленький, но такой настоящий корабль. Но они не выдержали, и вскоре тоже включились в работу. Из алой ткани кроили паруса, названия которых Стеша повторяла, как слова из сказочного заклинания: бизань, грот, формарсель, бом-блинд, фок, грот-брамсель. От этих слов пахло морем и мечтой, дальними странами и удивительными приключениями.

Стеша поставила «Секрет» на место.

Перед приходом родителей с работы Стрекоза уже не могла оставаться на одном месте – она почти бегала от окна к двери, затем – снова к кораблю, и, когда дверь отворилась, и на пороге появился отец, Стеша скороговоркой звонок выпалила:

– Папа, отвези завтра утром «Секрет» в столярку! Обязательно! – и тут же умчалась в свою комнату.

На столе громко трезвонил оставленный телефон. Стеша схватила его, увидела номер брата и радостно и громко, пропуская приветствия, сообщила:

– Санька! Да можешь не отвечать, я всё придумала! Вот, послушай...

Стрекоза летела к своей ученице так, что сменка в мешке, болтаясь из стороны в сторону, больно била по спине. Ворвалась в квартиру, быстро устроилась

за столом с Кирой, начала привычный урок. Занятие было в разгаре, когда Стеша получила сообщение от Вадика, что его миссия выполнена – одноклассники сопровождаемы в столярный цех. Положив телефон в рюкзак, извинившись перед одноклассницей, девочка со всех ног побежала к отцу.

Тяжело дыша, Стрекоза остановилась на пороге столярки. Вадик организовал почти всех, и теперь, столпившись вокруг верстака, на котором возвышался «Секрет», ребята засыпали отца вопросами, на которые не давали ему отвечать:

– Сан Саньч, а долго вы его собирали?

– Вы нам чертежи покажете?

– А что, детали можно на этих станках сделать?

Вадик отходил подальше, смотрел на корабль в перспективе, подходил ближе, восхищённо повторял: «Вот это да!»

И когда шум улегся, он с азартом выкрикнул:

– Слушайте! А может, сделаем вместе корабль, а?

Стеша подошла к одноклассникам:

– Но тогда мы не успеем сделать скворечники! И просто корабль – это ещё не социальный проект. Нужно придумать обоснование и защиту сделать.

– Стешка, я тебе такое обоснование проекта сделаю! И защиту! – глаза обычно равнодушного Вадика горели непривычным восторгом.

– Хорошая мысль, Вадик. Но тут нужно коллективное мнение. Так, давайте голосовать. Кто за то, чтобы сделать галеон? – предложил Александр Александрович.

Лес рук и разноголосый хор восторженных криков был ответом.

– А со скворечниками я вам помогу. Сделаю пару штук. Чтобы были у вас, так сказать, для отчётности, – папа подмигнул Стеше и обвёл взглядом радостно шумящих семиклассников.

Галеон было решено назвать «Мечта». За основу сгодились те же чертежи, над которыми корпели Санька с отцом, но паруса на рисунке-эскизе из алых стали ослепительно белыми, а на палубе появились фигурки капитана, помощника, матросов и даже юнги. В мастерской закипела работа: точили детали, из проволоки гнули цепь для якоря, делали оснастку, лепили фигурки людей, шили паруса. Вечерами мама Стеша заглядывала в цех, приносила голодным работникам то булочки, то пирожки. Смотрела, какая царит кутерьма, слышала, как кто-то спорит, помогала девочкам с парусами – и смеялась. Говорила, что это похоже на всеобщую корабельную лихорадку.

Стеша постоянно находилась в приподнятом, слегка возбуждённом состоянии: то ей казалось, что они ничего не успеют, то она радовалась, как всё замечательно получается, то на вопрос Марины Николаевны, как обстоят дела с подготовкой к проекту, сделав паузу, бодро отвечала: «Всё под контролем, не сомневайтесь!»

И только Вадик её расстраивал. Он не включался в общую работу, болтался по столярке и снимал всё на видео.

– Сундуков! Иди уже, делом займись! – умоляюще просила его Стеша.

– Ты, Лаврентьева, ничего не понимаешь! Это ж историческая хроника седьмого «Г»! Я такие кадры снимаю. Это же сенсация! Сами мне потом спасибо скажете, – напускал на себя важный вид Вадик и шёл снимать кого-то из ребят, долго прицеливаясь, выбирая план, видимо, чувствуя себя заправским оператором.

С Кирой теперь занимались меньше. Она оказалась способной ученицей: делала домашнее задание самостоятельно, только изредка просила Стешу объяснить новый материал. В свободное время они обсуждали книги, которые вместе читали, придумывали сюжет для Кириной повести, которую она, оказывается, давно уже писала. Бабушка смотрела на девочек, улыбалась, но всегда покачивала головой, передвигая на календаре бегунок на очередную дату.

В понедельник Стеша влетела в подъезд, дёрнула дверь за ручку – она была заперта. Удивившись, Стрекоза негромко постучала. Раз. Другой. Третий. Наконец дверь распахнулась, и на пороге показалась Кирина мама.

– Я просила никого из класса сюда не приходить и нас не беспокоить. Марина Николаевна должна была вам об этом сказать! – она произносила слова спокойно, но так сурово, что Стеша невольно отступила на шаг назад.

– Мы с Кирой уроки делаем. И только я хожу, больше никто, – твёрдо произнесла Стеша.

– Забудь сюда дорогу. Кира прекрасно обходится без всех вас, – мама стала закрывать перед Стешей дверь, и тут послышался Кирин крик.

– Мама! Одноклассники ни в чём не виноваты!

Кира, забыв про костыли, на одной ноге выпрыгивала в коридор из своей комнаты.

– Кира! Ты же упадёшь! – мама кинулась к дочери, забыв про Стешу.

Кира оперлась рукой о стену и заговорила отрывисто, медленно и чётко.

– Мама, никто меня в классе не трогает. И не трогал никогда. Я тебе расскажу, как всё было. Только обещай, что ты больше Стешу выгонять не будешь! И никого из класса – тоже. Если кто-то ещё придёт...

Кира, путаясь, запинаясь, рассказала маме всю историю про бойцовский клуб, про встречи на пустыре, про прыжок с крыши гаража, про приход Стешы, про их каждодневные занятия.

Стеша поправила рюкзаки и тихо сказала:

– Я, наверно, пойду сегодня...

– Нет, останься! – прыгая вперед по коридору, попросила Кира. – Мама, мне всё равно, пусть из секции выгоняют, но я больше врать не могу! Ты сходи в школу и расскажи Марине Николаевне всё, как есть. Иначе наш класс социальный проект не защитит.

После долгой паузы заговорила Кирина мама.

– Так ты всё затеяла ради победы в конкурсе? – она смотрела на Стешу с презрением. – А я поверила почти, что вы дружите! И Кира тебе поверила!

– Я приходила ради Киры. Конкурс здесь вообще ни при чём! Как вы не понимаете! – Стрекоза глубоко вдыхала воздух, чтобы не расплакаться.

Так учил её Санька.

Пружиня, она пошла к двери.

На пороге Стеша развернулась, и звенящим срывающимся голосом сказала:

– Вы можете ничего не говорить Марине Николаевне! Пусть наш класс считают худшим! Пусть мы не выиграем конкурс! Но в день защиты отпустите, пожалуйста, Киру в школу. Мой папа её привезёт. Ради Киры.

В тёмном подъезде, где пахло пылью и ненужными вещами, где висел густой полумрак, по щекам Стешы потекли жгучие слёзы.

Стеша не первый раз в своей жизни была за кулисами, но никогда так не волновалась. Марина Николаевна заходила к ней время от времени, осматривала два скворечника, сделанные в виде избушек Бабы-Яги, спрашивала, отдали запись ролика с презентацией проекта или нет, выучила ли Стеша речь. От этих хлопот Стрекозу начала бить мелкая дрожь: противно тряслись ноги, слова и предложения пропадали, стоило только попытаться вспомнить свою речь.

– Стефания, что-то твой вид мне не нравится! Вот, держи свой текст – на всякий случай. Я буду возле сцены – смотри на меня, если что-то забудешь, я подскажу, что делать! – Марина Николаевна спустилась вниз, встала сбоку от сцены, где её ждала психолог.

Стеша ещё раз посмотрела в щёлочку занавеса: одноклассники в разноцветных галстуках группы поддержки сидели в зрительном зале, в проходе стоял Орлов со своей компанией, и по тому, как он сильно сжимал гриф гитары, было понятно: он тоже переживает. Один только Вадик не скрывал своего взбудораженного состояния и носился – от кулис до выхода из зала. Задышавшись, он влетел к Стеше на закрытую сцену:

– Твоего папы пока нет!

– Не действуй на нервы, Вадька! Он приедет! Ты флэшку с проектом режиссёру отдал? – теребила в руках листок Стеша.

– Не бойсь! Доверься профессионалу! – он высунул голову между полотнами занавеса, и вдруг подскочил, взбрыкнув ногами. – Ура! Все на месте! Держись, Лаврентьева!

Когда Стеша увидела из-за кулис, как в зрительном зале папа отдаёт большую коробку Орлову, колёнки перестали мелко трястись, она успокоилась и стала дожидаться своей очереди.

Защита социальных проектов перетекала из номера в номер. Проекты не отличались разнообразием, зато скворечники седьмых классов поражали необычным дизайном: то это были многоэтажные дома, то крестьянские избы, а то вовсе – космическая станция. От обилия песен, стихов, пантомим

и танцев, которыми школьники объясняли необходимость именно этой модели скворечника, у Стеша заболела голова. Чтобы не потерять настрой, она стала думать о Саньке. О том, как они секретничали по вечерам, как он учил её кататься на велосипеде, как они плавали в море, как однажды заблудились в лесу, проплутали там целый день, а бабушке сказали, что заигрались на поляне...

Очнулась Стрекоза от громких слов ведущего:

– На сцену для защиты социального проекта приглашается 7 «Г» класс!

Стеша глубоко вдохнула, сказала себе, как сказал бы Санька: «Ну что, Стрекоза, полетели!» – и широко улыбаясь, выпорхнула на середину сцены. В большом зрительном зале горел свет, папа и мама, подбадривая, помахали ей. На самом верхнем ряду, выставив в проход между креслами костыли, сидела Кира. Стеша улыбнулась ещё шире и, развернув бумагу с текстом, стала читать монотонно и однообразно:

– Мы, ученики седьмого класса «Г», выбрали для социального проекта изготовление скворечников. Наш проект экологический, потому что он позволяет заботиться о птицах, об их гнездовании, о птенцах. Следовательно, этот проект способствует сохранению популяции пернатых нашего края. Мы представляем вам оригинальную модель скворечника! – Стеша показала рукой в сторону кулис, откуда Женя с Матвеем вынесли два скворечника, две избушки на курьих ножках.

Стрекоза перестала читать, замолчала и посмотрела в зрительный зал. Кто-то шушукался и сдержанно хихикал, кто-то смотрел в телефон, а кто и откровенно зевал, не скрывая, что ему нестерпимо скучно. Стеша продолжала молчать. Марина Николаевна жестами показывала ей: читай!

Стеша развернула листок, потом улыбнулась, медленно его скомкала. В колонках раздался шорох сминаемой бумаги. Девочка негромко сказала:

– Вот так должен был выглядеть наш проект. Из года в год седьмые классы соревнуются в изготовлении скворечников. Что ж. Это, наверное, очень хорошо: птицам есть где жить, они растят другое поколение скворцов. Их дети снова прилетят к нам весной и снова поселятся в новых скворечниках. Поэтому мы тоже отдали дань традиции и смастерили вот эти избушки на курьих ножках, – она обернулась к одноклассникам. – Женя, Матвей, спасибо! Можете уносить новостройку для скворцов.

В зале раздалась смешка, Марина Николаевна замерла, прижав руку к груди: она не ожидала такого развития событий.

– А потом... потом мы решили сделать мечту. Рассказывать долго, поэтому мы покажем. Вадик, ты готов?

– Всегда готов! – донеслось из режиссёрской рубки.

– Запускай!

В зале погас свет, и на экране поплыли кадры кино. Фильм, который Сундуков снимал целый месяц и потом ночами монтировал, был про седьмой «Г». Про столярный цех. Про создание галеона «Мечта». Титры озвучивал голос Вадика: «Хроника создания «Мечты». И седьмой класс со всем зрительным залом снова погрузился в месяц напряжённой работы, когда в столярном цехе создавался из брусков, ниток, проволоки и кусочков ткани гордый красавец галеон. И вот, на фоне «Мечты», Орлов с неизменной гитарой берёт несколько аккордов. Картинка на экране стала затемняться, тускнеть, пока совсем не пропала. Орлов с гитарой, уже на сцене, в пятне яркого света, начал петь сильным голосом знакомую всем песню – её любил директор школы, ею заканчивались школьные линейки. И все считали эту песню неофициальным гимном школы. Она была несовременная, из прошлого, двадцатого века, но сейчас Стеша как будто слышала эти слова впервые:

Ребята, надо верить в чудеса –

Когда-нибудь весенним утром ранним,

Над океаном алые взметнутся паруса,

И скрипка пропоёт над океаном.

Орлову подпевали одноклассники, которые по одному выходили на сцену и вставали рядом, подпевали родители и школьники в зрительном зале. И Марина Николаевна, незаметно для самой себя, тоже подхватила песню, которую и они учили в студенческом лагере.

На последних аккордах луч прожектора переместился на Стешу, которая несла «Мечту» в руках. Она подошла к микрофону и в полной тишине сказала:

– Иногда хочется сделать что-то необыкновенное. А ты – всего лишь человек. Ты не можешь творить чудеса. Но ты можешь приблизить мечту, хотя бы на один шаг. Наша одноклассница Кира всегда мечтала о море. И с сегодняшнего дня «Мечта» будет жить в её доме, напоминая о том, что она когда-нибудь точно исполнится.

Под хлопки одноклассников, которые переросли в дружные аплодисменты всех зрителей, Стеша спустилась в зрительный зал и стала подниматься к верхним рядам – туда, где сидела взволнованная и счастливая Кира.

Возвращаясь на сцену, Стеша услышала голос Марины Николаевны, которая шептала психологу:

– Как вы назвали мой класс? Песчаная россыпь? А, по-моему, это «Мечта»!

– В классификации коллективов такого названия нет.

– А какое есть?

– «Алый парус».